

УДК 82.091–801.8
doi 10.17072/2073-6681-2020-3-86-94

А. С. ГРИБОЕДОВ В ТВОРЧЕСТВЕ А. И. МАРКЕВИЧА

Сергей Сергеевич Минчик

к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

295007, Россия, г. Симферополь, просп. акад. Вернадского, 4. sersemin@ukr.net

SPIN-код: 3065-9329

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4386-6619>

Статья поступила в редакцию 23.12.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Минчик С. С. А. С. Грибоедов в творчестве А. И. Маркевича // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 3. С. 86–94. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-86-94

Please cite this article in English as:

Minchik S. S. A. S. Griboyedov v tvorchestve A. I. Markevicha [Alexander Griboyedov in Works by Arseniy Markevich]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 3, pp. 86–94. doi 10.17072/2073-6681-2020-3-86-94 (In Russ.)

В отличие от других наук, грибоедоведение во многом сохраняет зависимость от гипотез времен СССР, которыми замалчивались и искажались факты о классиках литературы в интересах советской идеологии. Переоценка публикаций, вышедших в свет до 1992 г., имеет особую важность – если не относиться к ним критически, современные ученые вряд ли смогут остановить процесс мифологизации образа сочинителя «Горя от ума», продолжающийся и сегодня. Настоящая статья посвящена творчеству историка, члена-корреспондента АН СССР Арсения Маркевича. Его доклад «Памяти А. С. Грибоедова ...», представленный ТОИАЭ в 1925 г., является одной из первых работ, сосредоточенных на писательском визите в Крым. Однако данный материал не был напечатан. Взгляд Маркевича на путешествие 1825 г. – предмет проведенного исследования. В статье прослеживается связь несохранившегося доклада ученого с его текстом о пребывании на полуострове декабристов, перевод последнего на украинский язык, вышедший в свет в 1930 г., используется для воссоздания грибоедовческих выводов автора. Публикация «3 культурной минушкин Криму» рассматривается в свете изданий о писателе-дипломате, известных в 1920-е гг., ее соответствие фактам определяется посредством литературы, которая могла быть доступна Маркевичу. Устанавливается характер отношения историка и краеведа к революционному движению, исходя из этого воссоздается идейная специфика его доклада о Грибоедове. Сведения о нахождении оригинала очерка «Декабристы...» в главном вузе Крыма в начале 1990-х гг. проверяются на основе анализа их источника и свидетельств работников НБ ТА КФУ им. В. И. Вернадского.

Ключевые слова: грибоедоведение; текстология; реконструктивный анализ; биография; литературное краеведение.

Создатель комедии «Горя от ума», которую вольнодумцы считали своим манифестом, близкий ряду из них и подозреваемый в деле о тайном заговоре, – Александр Сергеевич Грибоедов (1794–1829) оставался объектом неотступного интереса науки в разные годы. Но с особым пристрастием о нем стали писать, начиная с 1940-х. В духе времени послевоенная история и литературоведение навязывали Грибоедову репутацию

если не революционера, то оппозиционера, верившего в необходимость политического переустройства России. При этом комментирование его биографии и творчества сопровождалось замалчиванием и искажением многих фактов, формируя в целом такую традицию, которая, с одной стороны, упрощала образ классика, а с другой – удерживала исследователей в стороне от альтернативных поисков, не предполагающих

попыток создать этому человеку образ предвестника большевиков¹.

Постсоветская наука не во всем преодолела сложившуюся во второй половине XX в. инерцию. Во всяком случае, советская грибоедовiana в последнее время привлекает исследователей нечасто (Л. М. Ахриева, А. Л. Гришунин, Г. И. Романова, А. И. Смирнова, Ю. А. Сорокин, М. В. Строганов, С. А. Фомичев). Хотя ее анализ и критика, напротив, должны были бы стать одним из приоритетов современного ученого – без них мифологизацию автора «Горя...» не остановить, гипотезы, выведенные из научного оборота в силу конъюнктуры, не реабилитировать, а продуктивные пути разгадки жизни и творчества писателя не наметить.

Новейшие публикации о грибоедовах в первую очередь посвящаются П. С. Краснову, Н. К. Пиксанову и Ю. Н. Тынянову, подготовившим к выходу в свет ряд «титulyных» изданий. Менее заметно внимание науки к таким авторам, которые если и не повлияли на дискуссию о сочинителе «Горя...», то оставили в ней след: И. Г. Кулжинскому, А. И. Полканову, В. И. Филоненко. Объект настоящего исследования – творчество А. И. Маркевича.

Историк, общественный деятель, член-корреспондент АН СССР, Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) много сделал для изучения полуострова. Его внимание привлекал широкий круг проблем, начиная от эпохи Античности и заканчивая XX в. Нашлось среди них место и филологической тематике, представленной именами славянских поэтов и прозаиков, часть которых была связана с Крымом². Однако публикации о Маркевиче, в последнее время появляющиеся все чаще, в основном посвящены развитию краеведческих штудий³. Что же до прочих сторон его наследия, таковые пока не привлекают внимания исследователей. Цель предпринятого анализа – уточнить объем творчества Маркевича в области литературной биографики и определить значение его взглядов для науки о создателе «Горя...».

К осмыслению событий писательского путешествия ученый и краевед приступил при подготовке доклада «Памяти А. С. Грибоедова», приуроченного «к 100-летию со времени его пребывания в Крыму» [Филимонов 2004: 71]. Это одна из двух первых работ о связях русского классика с полуостровом⁴. Но, выступив перед Таврическим обществом истории, археологии и этнографии 31 мая 1925 г., Маркевич не переработал ее в статью и не напечатал. Таким образом, данный труд донныне остается неизвестным. Примечателен же он не только в свете крымоведческого дискурса. Датируется исследование «Памяти А. С. Грибоедова» годом, когда главным среди

исследователей автора «Горя...» считался литературовед Пиксанов. Сменившая же его в этом качестве историк М. В. Нечкина еще не успела заявить о себе. Потому воссоздать содержание доклада Маркевича – значит, лучше понять один из любопытнейших этапов развития науки о писателе-дипломате, который все чаще именуют «пиксановским» [Степанов 2001: 4] и противопоставляют «нечкиновскому».

К теме поездки Грибоедова Маркевич возвращается на страницах очерка «Декабристы в Крыму». Работа над ним велась в 1924–1925 гг. и, несомненно, была приурочена к вековому юбилею событий на Сенатской площади⁵. Однако напечатали его позже, в одном из выпусков «Сборника историко-филологического отдела ВАН» за 1930 г., и с изменениями – в украинском переводе. Чем конкретно, кроме языка публикации, фрагмент «З культурної минувшини...» отличался от своего источника, понять трудно, поскольку последний не сохранился. Известно лишь, что автор писал его по заданию Крымского центрального архивуправления вместе со статьей об истории землевладения на полуострове [ГАРК: 9]. Но, судя по отчетам учреждения за 1926 г., КЦАУ так и не увидел выполненного заказа, – видимо, вследствие развития конфликта с Маркевичем, который привел к прекращению кооперации между ними [Непомнящий 2005: 140–148]⁶.

Накануне 200-летия Грибоедова поиском очерка «Декабристы...» занялся историк и краевед Владимир Широков. Путешествуя 1825 г. он посвятил публикацию «Чего ждал Александр Сергеевич?», которая увидела свет на страницах газеты «Таврические ведомости». В ней, помимо прочего, отмечено: «ГРИБОЕДОВ В КРЫМУ – проблема не новая: ею занимались последовательно А. И. Маркевич, В. И. Филоненко и А. М. Полканов, но только Филоненко опубликовал свою статью в № 1 “Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии”». Статья Маркевича в рукописи осела в университете. А Полканова – в госархиве» [Широков 1995: 6]. Работая в главном вузе Крыма, где до 1930 г. преподавал и автор публикации «З культурної минувшини...» [Непомнящий 2005: 75–89], доцент Широков должен был знать, какие именно автографы хранятся в библиотеке данного учреждения. Что же касается ее сотрудников, о судьбе «рукописи» Маркевича в настоящее время им не известно ничего – равно как и о том, существовала ли такая вообще⁷. Но даже если отнести фразу «осела в университете» к ряду оговорок или ошибок⁸, примечательны такие из слов Широкова о Грибоедове: «Маркевич писал, что он часто виделся “в Симферополе с М. Ф. Орловым и Оржицким, тоже декабристом,

и что все они были его давнишние знакомые. С Орловым – безусловно, а с Оржицким, видимо, виделся в Саблах, куда, проживая в Симферополе, он часто ездил к Бороздиным⁹». Здесь автор не просто ссылается на Маркевича, а цитирует его, используя кавычки и воспроизводя на русском языке некую версию публикации из «Сборника историко-филологического отдела ВАН». Однако где Широков получил к ней доступ, если не «в университете»? В личной беседе Владимир Александрович признался, что не помнит, какими источниками пользовался при написании своей статьи о Грибоедове⁹. Впрочем, это не значит, что вопрос об их местонахождении и характере нельзя решить.

В библиотеке Центрального музея Тавриды в Симферополе хранится машинописный текст, на обложке которого написано: «Маркевич Арс. Декабристы и Крым (из книги «Вести из Крыма») 1930 г.». На последнем листе документа засвидетельствован факт его передачи в фонд учреждения: «“Таврике” от Б. М. Ачкинази. 30/XI – 81 г.». Это – русскоязычная версия части публикации «3 культурной минувшины...». На ее страницах есть место со словами о генерале Орлове и поэте Оржицком – то самое, которое приводится Широковым в качестве выдержки из Маркевича. Вот оно: «...В Симферополе – с М. Ф. Орловым и Оржицким, тоже декабристом, и что все они были его давнишние знакомые. С Орловым – безусловно, а с Оржицким, видимо, виделся он и в Саблах, куда, проживая в Симферополе, он часто ездил к Бороздиным» [НБТ ЦМТ: 2]. Не считая малозначительных различий между двумя фрагментами на уровне лексики и пунктуации (тире и союза «и»), в целом можно заключить: они тождественны. А значит, при подготовке статьи «Чего ждал Александр Сергеевич?» Широков вполне мог использовать именно документ из «Таврики».

Вопрос об аутентичности источника из библиотеки ЦМТ – предмет отдельного исследования. Что же касается этюда Маркевича о Грибоедове, его анализ имеет первоочередное значение. Во-первых, потому что после выхода в свет в 1930 г. данный материал не единожды переиздавался [Непомнящий 2005: 351–352, 413], что говорит об интересе к нему в наши дни. Во-вторых, его оценка позволяет реконструировать содержание доклада от 31 мая 1925 г., ставшего не только отправной точкой, но, видимо, и ядром всех повествований Маркевича о Грибоедове.

Главное, что обращает на себя внимание, – расхождения слов ученого с фактами.

Повествуя о поездках декабристов на полуостров в канун событий на Сенатской площади, Маркевич пишет: «Цього-таки року був у Криму Грібоедов. Він каже в своїх дорожніх записках,

що в Києві часто бачивсь із Сергієм та Артамоном Муравйовими, Бестужевим-Рюмінім, кн. С. П. Трубецьким, а в Симферополі – з М. Ф. Орловим та Оржицьким, теж декабристом, та що всі вони були його давні знайомі» [Маркевич 1930: 116]¹⁰. Эти слова противоречат истине, поскольку в своем дневнике Грибоедов не писал о деятелях тайных обществ. Киевские встречи он упоминал в показаниях Следственному комитету, Н. Н. Оржицкого – в одном из писем к А. А. Бестужеву, Орлова же и вовсе нигде не называл (его контакты с генералом общеизвестны благодаря корреспонденции последнего). Грибоедов не использовал и фразу «старые знакомые» – из документов ясно лишь то, что приятельские отношения связывали его с поэтом Оржицким¹¹.

Развивая тему контактов писателя-дипломата, Маркевич продолжает: «З Орловим безперечно, а з Оржицьким мабуть бачився він і в Саблах, куди, живши в Симферополі, часто їздив до Бороздиних. Що втримувало Грібоедова в Симферополі та в Саблах близько трьох місяців, невідомо» [там же]¹². В данном утверждении также однозначно не все. Где состоялись писательские встречи с Орловым, последний не уточняет, гостил ли автор «Горя...» у А. М. Бороздина часто, в известных науке источниках также не упоминается – как не указывается и то, бывал ли вообще последний в Саблах после того, как продал их в 1823 г. А. П. Завадовскому. Наконец, некорректно заявлять, что «около трех месяцев» Грибоедов находился как в этом имении, так и в губернском центре (где ему пришлось жить с июля по сентябрь 1825 г., на сегодняшний день не ясно)¹³.

Далее Маркевич рассказывает о показаниях классика в отношении ряда декабристов на допросах, о близости к нему других деятелей заговора и об обстоятельствах его ареста на Кавказе. Но примечательнее данных фрагментов машинописи опять же те, где говорится о Крыме. Вот что именно заявляет Маркевич: «Між іншим, цікава річ, Грібоедов, зазначивши, що до Саблів та Симферополя „наїхали тогдa иностранци“, нікого з них не згадує, навіть кавалера Гамбу, що в описові своєї подорожі зве його своїм „другом“. Грібоедов згадує тільки ірландського проповідника Джемса, що жив тоді в Саблах» [Маркевич 1930: 117]¹⁴. Здесь следует отметить, что, во-первых, об «иностранцах» в писательском дневнике и корреспонденции не говорится ни слова. Вспоминает Грибоедов буквально о следующем: «Наїхали путешественники, которые меня знают по журналам» [ПССГ: 177], – и подразумевается им гостиница в Симферополе, откуда он, собственно, и писал своему другу С. Н. Бегичеву. Во-вторых, доказательств того,

что Ж.-Ф. Гамба был в Крыму в 1825 г., нет, авторство же записок, где говорится о Саблах и сочинителе «Горя...», этому воюзеру приписывается условно¹⁵. И последнее. Фраза об «ирландском проповеднике», которая фигурирует в грибоедовских заметках, касается вовсе не Джемса, что ясно из текста их первой публикации. Но, похоже, Маркевич ее не читал, отдав предпочтение более доступному изданию – на страницах которого, собственно, данные слова в силу ошибки редактора и отнесены к другому обитателю Саблов¹⁶.

Помимо огрехов в работе «3 культурної минувшини...», нельзя не заметить еще одного – формы подачи авторского текста. Если описание связей с Крымом того же А. С. Пушкина ученый выделяет в отдельную главу [Маркевич 1930: 111–115], то грибоедовская тема раскрывается им в контексте декабристской¹⁷. Однако такой подход отличается не только от традиции, которую сформировали в краеведении первые публикации о поездке классика на юг, не упоминавшие о тайном заговоре либо делавшие это вскользь¹⁸. Идя вразрез с мнениями профессоров Филоненко и Е. В. Петухова, Маркевич отступает и от линии современного ему грибоедоведения. В 1920-х гг. оно представлено именами Д. И. Киреева, П. С. Когана, Н. К. Пиксанова и Ю. Н. Тынянова, которые в целом оставались на позициях дореволюционной науки и не стеснялись изображать революционное подполье критически¹⁹. Маркевич же его, скорее, идеализирует²⁰, тем самым не только предвосхищая процесс социологизации образа литератора-дипломата, начавшийся в 1940-х гг. с выходом в свет первых работ Нечкиной²¹, но и предугадывая основные черты, которые окажутся присущи грибоедоведению – в части вольного отношения к фактам и к их интерпретации.

Почему о происходившем в 1825 г. Маркевич писал не в духе современных ему веяний, а так, как это стало делаться позже? Не исключая фактора смены настроений в научном сообществе, который мог уловить и крымский автор, здесь важно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, работу над докладом «Памяти А. С. Грибоедова» Маркевич вел на фоне неустойчивости собственного положения в КЦАУ. С трудом получив место в этом учреждении, он постоянно находился под угрозой увольнения – в том числе за симпатию к антибольшевистским силам [Непомнящий 2005: 135–141]. Потому доказать свою лояльность Советам, после окончания Гражданской войны в Крыму взявшим курс на борьбу с инакомыслием, для ученого было важно. В том числе связав с революционным движением и Грибоедова. Второе – это опыт

Маркевича как исследователя и повествователя. Называя себя «маргариновым» (то есть искусственным) профессором, отсутствие широкого кругозора он компенсировал усердием [Непомнящий 2005: 137]. Все это не могло не отразиться на его суждениях о Грибоедове и не противопоставить их той системе взглядов, которой отличался пиксановский период в науке – с установкой на свободу и глубину мысли. С Нечкиной же, напротив, Маркевича сближало многое. Однако в силу не взаимовлияния обоих авторов (таковое можно исключить смело). Их схожесть с высокой долей вероятности обусловили принципиальное нежелание Нечкиной учитывать многообразие фактов по рассматриваемой теме и, судя по всему, неспособность Маркевича сделать это.

Сказанное позволяет заключить следующее. Подготовка Маркевичем доклада «Памяти А. С. Грибоедова» (1925 г.) велась одновременно с написанием очерка «Декабристы...», который создавался по заданию КЦАУ. Выполняя ответственное поручение, ученый пользовался первоисточниками выборочно и соотносил свои высказывания с ними произвольно, некоторые выводы формулировались им без опоры на документы и вопреки их содержанию. Текст вышеназванного очерка не известен донныне, сведения о его нахождении в главном вузе Крыма не подтверждаются. Единственный источник, который позволяет воссоздать содержание доклада Маркевича, – публикация «3 культурної минувшини...» (1930 г.), включающая и перевод «Декабристов...» на украинский язык. Ее разбор показывает, что первая работа о поездке в Крым сочинителя «Горя...», по всей видимости, характеризовалась искажением целого ряда фактов, описательностью и небольшим объемом. В целом грибоедовский визит на юг Маркевич характеризовал тенденциозно, предвосхитив традицию изображать данный эпизод в свете революционной ситуации в стране. Произошло это по причине особенностей личности исследователя и условий его работы в Крыму. Но ввиду специфики изложения (сначала устный доклад, затем перевод с русского языка) взгляд Маркевича на события 1825 г. так и не получил распространения среди краеведов. Хотя спрос в СССР на похожие трактовки событий жизни Грибоедова в послевоенную эру и был чрезвычайно велик.

Примечания

¹ Пример упрощения и искажения наукой фактов, которые связаны с именем А. С. Грибоедова, наглядно демонстрирует материал, относящийся к периоду его пребывания в Крыму в 1825 г. [Минчик 2011: 8–44].

² Труды А. И. Маркевича в области литературоведения и писательской биографики посвящены жизни и творчеству П. А. Вяземского, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, Юрия Крижанича, М. В. Ломоносова, И. С. Тургенева, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого [Непомнящий 2002: 83, 85–87, 89, 90, 96].

³ В наши дни личность Маркевича является популярным предметом исследований. Новейшие открытия и наблюдения в области его жизни и творчества отразились на страницах следующих изданий: сборников «Крымский гуманитарный вестник» (2019, т. 3) и «Причерноморье. История, политика, культура» (2015, № 17), монографии А. А. Непомнящего «Академик С. Ф. Платонов и крымоведение» (2018), журналов «Вопросы истории» (2018, № 11), «Пространство и Время», (2017, № 1), «История и археология Крыма» (2015, № 2) и др.

⁴ К столетнему юбилею путешествия Грибоедова на юг в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии были приурочены выступления сразу двух исследователей. Помимо Маркевича, своими наработками с ТОИАЭ 31 мая 1925 г. поделился и профессор Крымского пединститута, востоковед В. И. Филоненко, который представил доклад «А. С. Грибоедов в Крыму в 1825 г.» [Филимонов 2004: 82].

⁵ 27 декабря 1925 г. Маркевич выступил в ТОИАЭ с докладом «Декабристы и Крым» [там же: 71].

⁶ В отчете КЦАУ за 1924–1925 гг. указано: «Из неоконченных трудов следует отметить работу по истории крымско-татарского землевладения и другую, ведущуюся по специальному заданию Управления – “Декабристы в Крыму”» [ГАРК: 9]. На полях заведующим учреждением И. Н. Прохоровым дописано: «Данные труды в Крымархив не поступали. 17/IV. – 26» [там же].

⁷ В Научной библиотеке ТА КФУ имени В. И. Вернадского (до 1999 г. – СГУ имени М. В. Фрунзе) рукописи известных преподавателей хранятся. Однако часть из них не разобрана, и если автограф Маркевича, о котором писал В. А. Широков, существует, находится он в неучтенном фонде. В свою очередь, публикация «3 культурной минушкин Криму» здесь представлена ксерокопией выпуска № 89 «Сборника историко-филологического отдела ВАН». В отделе комплектования НБ ее зарегистрировали 24 октября 2005 г. (инв. № 936331), т. е. через десять лет после выхода в свет публикации «Чего ждал Александр Сергеевич?».

⁸ Сообщая, что его публикация ставит целью «только обобщить сказанное» наукой, Широков дублирует заблуждения других исследователей, бездоказательно датируя прибытие Грибоедова в

Крым и его отъезд (18 июня и 15 сентября 1825 г. соответственно) и заявляя о якобы имевший место в Артеке писательской встрече с Адамом Мицкевичем и Генрихом Ржевуским [Широков 1995]. Ссылаясь на академическую литературу, где за отсутствием аргументов лишь предполагается, что Грибоедов «пробыл в Киеве свыше десяти дней» [Нечкина 1977: 519], он категорично утверждает: «...Посетил Киев, как связной Северного и Южного общества декабристов. Пробыл там 10 дней» [Широков 1995]. А повествуя о событиях в губернском центре, заявляет: «Целыми днями поэт мотался по городу, явно кого-то ожидая» [там же], – также безосновательно, поскольку известные на сегодня документы не позволяют дать такую характеристику его действиям в Симферополе. С. Н. Бегичева, связанного с сочинителем «Горя...» товарищескими отношениями, Широков ошибочно называет его кузеном – видимо, приняв за свидетельство их родства обращения «Братъ и другъ» [ПССГ: 176] и «Другъ и братъ» [там же: 177], которыми начинаются грибоедовские письма из Симферополя за 9 июля и 9 сентября 1825 г. Перечисляя же имена авторов краеведческой литературы, в XX в. обращавшихся к теме путешествия классика в Крым, ограничивается только тремя – притом что таковых были десятки [Минчик 2011: 19–24]. Инициалы А. И. Полканова приводятся им неверно, его труд называется осевшим «в госархиве» [Широков 1995] хотя в отличие от того же Маркевича этот исследователь все же смог напечататься в № 13 «Крымской правды» за 17 января 1970 г. Данный выпуск газеты, помимо прочих мест хранения, находится среди его бумаг в Госархиве Республики Крым (ф. Р-3814, д. 161) и упоминается в академической литературе [Нечкина 1977: 699], о чем Широков знает: 21 августа 1979 г. он отмечается на листе использования документов личного фонда Полканова в ГАРК (дело № 162), а книга «Грибоедов и декабристы» не единожды цитируется им [Широков 1995]. Все это значит, что публикация «Чего ждал Александр Сергеевич?» искажает ряд не просто известных, но и доступных ее автору документов – а это не может не подрывать доверие к данному источнику, причем как в целом, так и в части приведенной в нем информации о Маркевиче.

⁹ О работе с грибоедовским материалом Владимир Александрович рассказал в ходе личной встречи в 2007 г. (меньше чем за два года до своей смерти и спустя 12 лет после выхода в свет публикации в «Таврических ведомостях»).

¹⁰ «В этом же году был в Крыму и Грибоедов. В своих путевых заметках он отмечает, что в Киеве часто виделся с Сергеем и Артамоном Муравьевыми, с Бестужевым-Рюминым, князем

С. П. Трубецким, а в Симферополе – с М. Ф. Орловым и Оржицким, тоже декабристом, и что все они были его давнишние знакомые» [НБТ ЦМТ: 2].

¹¹ В 1826 г. о встречах писателя-дипломата с заговорщиками в Киеве вспоминали М. П. Бестужев-Рюмин, А. З. Муравьев, С. И. Муравьев-Апостол и С. П. Трубецкой [Щеголев 1905: 5, 8, 10]. Автор публикации «3 культурной минувшини...» должен был об этом знать, потому как ссылка на материалы следствия по грибоедовскому делу в его публикации есть [Маркевич 1930: 117]. А вот известный фрагмент из письма классика А. А. Бестужеву от 22 ноября 1825 г.: «Оржицкий передал ли тебе о нашей встрече в Крыму? Вспомни о тебе и о Рыльцеве, которого обними за меня искренне, по республикански» [ПССГ: 182].

¹² «С Орловым бесспорно, а с Оржицким возможно виделся он и в Саблах, куда, живя в Симферополе, часто ездил к Бороздиным. Что удерживало Грибоедова в Симферополе и в Саблах около трех месяцев, неизвестно» [НБТ ЦМТ: 2].

¹³ Единственным источником, который раскрывает обстоятельства писательских контактов в Крыму с М. Ф. Орловым, являются письма последнего к жене Екатерине (на момент издания статьи «3 культурной минувшини...» еще не известные науке о русском классике). Но если 19 июня 1825 г. командарм восторженно заявит: «Завтра еду на побережье вместе с Грибоедовым, которого наконец разыскал и который со мною очень любезен» [Медведев 1956: 493], – то уже спустя пять дней признается: «Я путешествовал совсем один, так как Грибоедов почувствовал себя нездоровым» [там же]. Прежний хозяин Саблов упоминается сочинителем «Горя...» в путевой заметке от 28 июня в связи с посещением еще одного места – имения Кучук-Ламбат: «Бороздинъ называетъ это: “пользоваться премією природы, не выѣзжая изъ отечества”» [ПСС: 72]. Собственно же деревня А. П. Завадовского фигурирует в грибоедовских бумагах семь раз: в заметках от 25 и 27 июня, 9 и 12 июля, а также в симферопольском письме к Бегичеву от 9 сентября [ПССГ: 69, 70, 81]. В последнем, помимо прочего, говорится и о сроках поездок литератора-дипломата. Но делается это по отношению к Крыму в целом, а не к Симферополю и не к деревне Завадовского: «...Чуть было не попалъ въ Одессу, потомъ подумалъ поселиться на долго въ Саблахъ, неподалеку отсюда. Наконецъ ѣду къ Ермолову послѣ завтра непремѣнно, все уложено. Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ...» [ПССГ: 177].

¹⁴ «Между тем, интересно, что Грибоедов, отметив, что в Саблы и Симферополь “наехали то-

гда иностранцы”, никого из них не упоминает, даже кавалера Гамба, который в описании своего путешествия называет его своим “другом”. Грибоедов упоминает только ирландского проповедника Джемса, который жил тогда в Саблах» [НБТ ЦМ: 3].

¹⁵ Воспоминания о Крыме, которые Маркевич связывает с Ж.-Ф. Гамбой, были напечатаны анонимно в 1830 г., французскому негодянту их авторство приписали накануне републикации данного источника в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» в 1913 г. [КА: 36]. Как бы то ни было, в его тексте действительно содержится рассказ о Саблах [Линниченко 1913: 194–200]. Однако фигурирует здесь не только имя Грибоедова, названное в связи с рассуждениями автора о членах тайного сообщества [там же: 197–198]. Также в анонимном источнике упоминается и приехавший в имение А. М. Бороздина Орлов [там же: 197]. На основании того, что последний посещал Крым в 1825 г., повидав здесь Грибоедова, Маркевич, видимо, и сделал два вывода о писательских встречах в Саблах: во-первых, с легендарным командармом, а во-вторых, с Гамбой.

¹⁶ В издании грибоедовского дневника, которое цитирует Маркевич, написано: «Султанъ. Ирландскій проповѣдникъ Джемсъ въ Саблахъ, увидавши меня, радъ, какъ мѣдный грошъ» [ПССГ: 81]. Это же место на страницах первой публикации заметок классика выглядит следующим образом: «Султанъ Ирландскій проповѣдникъ. Джемсъ въ Саблахъ, увидавши меня, радъ, какъ мѣдный грошъ» [Смирнов 1859: 33]. Как видно, пунктуация в приведенных фрагментах различается. Если фразу «ирландский проповедник» редакторы собрания писательских сочинений отбивают точкой слева, в издании дневника Грибоедова за 1859 г. это делается справа, вследствие чего данная характеристика связывается с А. И. Султаном Крымгиреевым, а не с его спутником [Минчик 2011: 51–53].

¹⁷ По вопросу о принадлежности Грибоедова к Северному обществу автор публикации в сборнике ВАН пишет: «Неясно» [Маркевич 1930: 116]. А цитируя следственные показания декабристов, демонстрирует меньшую осторожность в высказываниях: «Як свѣдчив Трубецкой, в члени Товариства прийняв Грибоедова Рилеев, отже перед тим як виїхати – мав стосунки з декабристами не тільки як знайомий, ба й як їхній співчлен з Товариства» [там же: 117] («Как свидетельствовал Трубецкой, в члены Общества принял Грибоедова Рылеев, значит, перед тем как выехать – имел отношения с декабристами не только как знакомый, но и как их сочлен из Общества» [перевод авт. – С. М.]). Об этом Мар-

кевич говорит в контексте ссылки на показания одного из лидеров подполья. Но С. П. Трубецкой сообщал лишь о принятии Грибоедова в Общество К. Ф. Рылеевым [Щеголев 1905: 8]. Отношения же с декабристами в канун писательского визита на полуостров опальным князем не характеризовались. Зато это сделал Маркевич, – то ли приписав Трубецкому догадку (на русский язык «отже» переводится как «значит», «стало быть», «следовательно» и т. п.), то ли сформулировав вывод, который якобы напрашивается из его завлений следствию.

¹⁸ Свои публикации о пребывании Грибоедова в Крыму Филоненко и его коллега по работе в Крымском пединституте профессор Е. В. Петухов напечатали одновременно, в 1927 г. Последний проблему декабристов решил не поднимать, ограничившись кратким обзором событий, которые связаны с данной поездкой [Петухов 1927: 58–59]. Филоненко же к ней обратился. По его мнению, революционная ситуация в России вполне могла определить цель грибоедовского визита на юг – наравне с любовью писателя-дипломата к путешествиям и с планом литературной работы [Филоненко 1927: 159].

¹⁹ Литература, к которой Маркевич мог иметь доступ, изображала грибоедовское отношение к заговору неоднозначно. Сочинитель «Горя...» в основном представлял в ней как помещик, который был близок правому крылу декабристов, видевших «зло не в самом крепостном праве» [Киреев 1929: 67], а в злоупотреблении им. И был связан с некоторыми кланами вольнодумцев-аристократов лишь по причине «двойственности» [Коган 1929: 57] их отношения к будущему России. Поскольку же к 1825 г. Грибоедов успел сформироваться как личность, влияния революционного движения на себе он не испытал [Пиксанов 1971: 377]. Тем более что цинизма в замыслах тайного сообщества могло быть больше, чем романтики, что вряд ли добавляло ему привлекательности [Тынянов 1983: 15–18].

²⁰ Оценку деятелям революционного подполья Маркевич не выражает прямо. Но показательно то, с чего именно он начинает свой рассказ об их связях с Крымом: «Влітку року 1820 побував у Криму й один з найвидатніших та найгідніших ясної пам'яті декабристів Микита Михайлович Муравйов» [Маркевич 1930: 116] («Летом 1820 года побывал в Крыму и один из наиболее выдающихся и достойных светлой памяти декабристов Никита Михайлович Муравьев» [НБТ ЦМТ: 1]). Как видно, Маркевич характеризует наследие заговорщиков при помощи возвышенной лексики и в целом относится к нему с пиететом.

²¹ Советская наука об авторе «Горя...» находилась в зависимости от работ акад. М. В. Нечкиной

не одно десятилетие [Степанов 2001: 4–5]. Однако и ныне многие из ее заявлений, в ряде случаев бесосновательных и противоречащих фактам, сохраняют влияние на исследователей [Минчик 2011: 16, 21]. О Маркевиче, разумеется, такого сказать нельзя. Единственным, кто процитировал статью «Декабристы...», остается Широков, в то время как ее связь с другой литературой о визите в Крым сочинителя «Горя...» проследить не удастся. Все это свидетельствует о парадоксальном отсутствии интереса к Маркевичу как к автору грибоедоведческих разысканий (обусловленную, видимо, трудностью восприятия «3 культурной минувшини...») – при наличии зримого спроса на тональность его выводов в краеведении и СМИ эпохи СССР.

Список источников

ГАРК – Отчеты Крымцентрархива за 1924–1926 годы // ГАРК. Ф. Р-415 (Крымский центральный архив). Оп. 1. Д. 12. 141 л.

КА – «Трудно найти что-либо более приятное...». Неизвестное путешествие по России. Генерал Бороздин / публ.: В. Ф. Шарапа, А. А. Непомнящий; пер. с франц.: С. Г. Скороходько, А. С. Ковтун; вступ. ст. и коммент.: А. А. Непомнящий // Крымский архив. 1999. № 4. С. 35–42.

НБТ ЦМТ – Маркевич А. И. Декабристы и Крым: машинопись // Научная библиотека «Таврика» им. А. Х. Стевена Центрального музея Тавриды. [Б. м.], [б. г.]. 10 л.

ПССГ – Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова: в 3 т. / ред. и примеч. Н. К. Пиксанова, И. А. Шляпкина. Т. 3. Пг.: Императорская академия наук, 1917. IX, 396 с.

Список литературы

Киреев Д. И. А. С. Грибоедов. Жизнь и литературная деятельность. М.; Л.: Госиздат, 1929. 112 с.

Коган П. С. А. С. Грибоедов. Критический очерк. М.; Л.: Моск. рабочий, 1929. 104 с.

Линиченко И. А. К биографии Таврического губернатора генерал-лейтенанта Андрея Михайловича Бороздина // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 50. С. 191–201.

Маркевич А. И. «3 культурної минувшини Криму ХІХ ст.»: Короткі нариси // Збірник історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії Наук. Київ, 1930. № 89. Студії з Криму. С. 107–158.

Медведев М. М. Грибоедов под следствием и надзором // Литературное наследство / гл. ред. В. В. Виноградов. Т. 60: Декабристы-литераторы / АН СССР; Отд. лит. и яз. [Ч.] 2, кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 475–496.

Минчик С. С. Грибоедов и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 276 с.

Непомнящий А. А. Арсений Маркевич и развитие историко-краеведческой библиографии Крыма в конце XIX – начале XX века // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / Российская национальная библиотека. СПб., 2002. Вып. 9. С. 66–96.

Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с.

Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е. М.: Худож. лит., 1977. 735 с.

Петухов Е. В. Крым и русская литература // Известия Крымского пединститута. 1927. Т. 1. С. 48–68.

Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума» / АН СССР; подгот. текста и коммент.: А. Л. Гришунина. М.: Наука, 1971. 400 с.

Смирнов Д. А. Черновая тетрадь Грибоедова. Статья вторая // Русское слово. 1859. Т. V, отд. 1. С. 9–116.

Степанов Л. А. Эстетическое и художественное мышление А. С. Грибоедова. Краснодар: Изд-во КГУ, 2001. 312 с.

Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара / вступ. ст.: В. А. Каверина. М.: Правда, 1983. 496 с.

Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. 316 с.

Филоненко В. И. Грибоедов в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1(58). С. 157–164.

Широков В. Чего ждал Александр Сергеевич? // Таврические ведомости. 1995. № 2. 21 янв. С. 6.

Щеголев П. Е. А. С. Грибоедов и декабристы (по архивным материалам). СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1905. 46 с.

References

Kireev D. I. *A. S. Griboyedov. Zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [A. S. Griboyedov. Life and literary activity]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1929. 112 p. (In Russ.)

Kogan P. S. *A. S. Griboyedov. Kriticheskiy ocherk* [A. S. Griboyedov. A critical essay]. Moscow, Leningrad, Moskovskiy rabochiy Publ., 1929. 104 p. (In Russ.)

Linnichenko I. A. K biografii Tavricheskogo gubernatora general-leytenanta Andrey Mikhaylovicha Borozdina [To the biography of Taurian governor lieutenant-general Andrey Mikhaylovich Borozdin]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Bulletin of the Taurian Scientific Archival Commission], 1913, issue 50, pp. 191–201. (In Russ.)

Markevich A. I. 'Z kul'turnoy minuvshini Krimu 19 st.: Korotki narisi ['From the cultural past of Crimea of the 19th century': Short essays]. *Zbirnik istoriko-filologichnogo viddilu vseukrayns'koy akademiy nauk* [Collection of the historical and philological department of the All-Ukrainian Academy of Sciences]. Kiev, 1930, issue 89. *Studiy z Krimu* [Studies from Crimea], pp. 107–158. (In Ukr.)

Medvedev M. M. Griboyedov pod sledstviem i nadzorom [Griboyedov under investigation and supervision]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Ed. by V. V. Vinogradov. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 60. *Dekabristy-literatory* [The Decembrists-writers], book 1, pp. 475–496. (In Russ.)

Minchik S. S. *Griboyedov i Krym* [Griboyedov and Crimea]. Simferopol, Business-Inform Publ., 2011. 276 p. (In Russ.)

Nepomnyashchiy A. A. Arseniy Markevich i razvitie istoriko-kraevedcheskoy bibliografii Kryma v kontse 19 – nachale 20 veka [Arseniy Markevich and development of historical and regional bibliography of Crimea at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniya: sb. nauch. tr.* [Historical and bibliographical studies: Collection of scientific works]. St. Petersburg, 2002, issue 9, pp. 66–96. (In Russ.)

Nepomnyashchiy A. A. *Arseniy Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya* [Arseniy Markevich: Pages of history of Crimean regional studies]. Simferopol, Business Inform Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)

Nechkina M. V. *Griboyedov i dekabristy* [Griboyedov and the Decembrists]. 3rd ed. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 735 p. (In Russ.)

Petukhov E. V. Krym i russkaya literatura [Crimea and Russian literature]. *Izvestiya Krymskogo pedinstitutu* [Bulletin of Crimean Pedagogical Institute], 1927, vol. 1, pp. 48–68. (In Russ.)

Piksanov N. K. *Tvorcheskaya istoriya 'Gorya ot uma'* [Creative history of 'Woe from Wit']. Ed. by A. L. Grishunin. Moscow, Nauka Publ., 1971. 400 p. (In Russ.)

Smirnov D. A. Chernovaya tetrad' Griboyedova. Stat'ya vtoraya [Griboyedov's notebook. Article Two]. *Russkoe slovo* [Russian Word], 1859, vol. 5, section 1, pp. 9–116. (In Russ.)

Stepanov L. A. *Esteticheskoe i khudozhestvennoe myshlenie A. S. Griboyedova* [A. S. Griboyedov's aesthetic and artistic thinking]. Krasnodar, Kuban State University Press, 2001. 312 p. (In Russ.)

Tynyanov Yu. N. *Smert' Vazir-Mukhtara* [The death of Vazir-Mukhtar]. Preface by V. A. Kaverin. Moscow, Pravda Publ., 1983. 496 p. (In Russ.)

Filimonov S. B. *Khraniteli istoricheskoy pamyati Kryma: O nasledii Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy*

komissii i Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii (1887–1931 gg.) [Guardians of Crimean historical memory: On the heritage of the Taurian Archival Commission and the Taurian Society of History, Archaeology and Ethnography (1887–1931)]. 2nd revised and enlarged ed. Simferopol, ChernomorPRESS Publ, 2004. 316 p. (In Russ.)

Filonenko V. I. *Griboyedov v Krymu* [Griboyedov in Crimea]. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii* [Bulletin of the Taurian Society of History, Archaeology and Eth-

nography]. Simferopol, 1927, vol. 1 (58), pp. 157–164. (In Russ.)

Shirokov V. *Chego zhdal Aleksandr Sergeevich?* [What was Alexander Sergeevich waiting for?]. *Tavricheskie vedomosti* [Taurian Bulletin], 1995, January 21, issue 2. P. 6. (In Russ.)

Shchegolev P. E. *A. S. Griboyedov i dekabristy (po arkhivnym materialam)* [A. S. Griboyedov and the Decembrists (based on archival materials)]. St. Petersburg, Publishing House of A. S. Suvorin, 1905. 46 p. (In Russ.)

ALEXANDER GRIBOYEDOV IN WORKS BY ARSENIY MARKEVICH

Sergey S. Minchik

Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

4, prospekt Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russian Federation. sersermin@ukr.net.

SPIN-code: 3065-9329

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4386-6619>

Submitted 23.12.2019

Alexander Griboyedov is a classic of Russian literature. His comedy *Woe from Wit* (1824) was a manifesto of freethinkers, and many of his friends took part in the Decembrist revolt (1825). In the USSR, Griboyedov was studied with a special interest – Soviet authors described him as a man who struggled for reformation of Russia like a Bolshevik. At the same time, comments concerning his biography and works were accompanied by ignoring and distortion of numerous facts which proved he was not a revolutionary. Nowadays, Griboyedov studies still depend on the hypotheses of the USSR times. That is why the reevaluation of works published before 1992 is of particular importance – without taking a critical look at those it is impossible to cease mythologization of Griboyedov. The present article deals with the works of Arseniy Markevich, a historian and corresponding member of the USSR Academy of Sciences. The subject of the study is the scholar's view on Griboyedov's Crimean journey of 1825. The report *In Memory of A. S. Griboyedov...* prepared by Markevich and presented in 1925 is one of the firsts works that focus on the writer's visit to the peninsula. However, this material was not published. The article establishes a link between Markevich's unpublished and consequently lost report and his essay *Decembrists in Crimea* that was translated into Ukrainian and published in 1930 under the title *From the Cultural Past of Crimea*. This translation is used to reconstruct the author's conclusions concerning Griboyedov. It is analyzed in the light of the literature about the diplomat and writer known in the 1920s; its conformity to facts is determined based on the sources that may have been available to Markevich. The study establishes the historian's attitude to revolution and, based on that, reconstructs the ideological orientation of the 1925 report. It also deals with the problem of place where the original essay *Decembrists...* was kept. Information indicating the main university of Crimea as such a location in the early 1990s is checked based on the analysis of the information source and evidence obtained from employees of the Scientific Library of the Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Key words: Griboyedov studies; textology; reconstructive analysis; biography; literary regional studies.